

МИШЕЛЬ ДЕМЮТ

Чужое лето

Фантастический рассказ

В самом центре джунглей на острове Гофмана, расположенного в экваториальной зоне Афродиты, шестой планеты Сириуса, есть могила — гладкая стальная плита, на которой выгравированы следующие слова: ПАМЯТИ ГРЕГУАРА ГРЕГОРИ, КОСМОГРАФА, ГЕРОЯ ЗВЕЗДНОЙ ЭКСПАНСИИ. Но под нею никто и никогда не был похоронен...

ОН очнулся и открыл глаза: прямо над ним было небо, по которому плыли белые облака. Теплый ветер ласково тронул его лицо, затеребил волосы над лбом. Он вздрогнул и облизал губы: они были сухие, потрескавшиеся. Во рту все пересохло и ощущался вкус крови. Челюсти болели, словно он что-то жевал несколько дней подряд.

Еще мгновение он лежал, чувствуя спиной прохладу земли, а руками — беглую ласку травинок. В нем остались лишь удивление и неясный ужас. Он шевельнул головой, и мысли захлестнули его торопливыми горячими волнами. Словно ослепленный, он закрыл глаза, потом снова открыл и увидел высоко над собой летящую черную точку, — возможно, птицу. А может быть, нечто совсем иное.

Ветер вновь погладил его, прошуршав в траве. Он резко сел и тут же скривился от боли в правой ноге. Пальцы вцепились в бедро. Серая ткань комбинезона была разодрана. Он раздвинул ее и обнаружил длинную черную струйку засохшей крови. Он медленно шевельнул ногой, вспоминая, где же аптечка первой помощи.

Все обернулось неудачей. Он скрипнул зубами от боли. «Хорошо еще, что я не истек кровью», — подумал он. Если бы рана продолжала кровоточить, он бы умер.

«Где же аптечка?.. И все остальное?..» Он повернул голову и ощутил такое облегчение, словно ему поднесли свежей воды в палящий зной: спасательная капсула-кабина была цела и стояла позади него. Дверь была распахнута. Внутри виднелись узкая койка и рычаги управления, за которые он, вероятно, цеплялся, сжимая зубы. Он не помнил, как вышел из капсулы. По-видимому, он открыл дверь в полусознательном состоянии и поранился об ее острый край.

Все же двигатель капсулы сработал.

Он осмотрелся. Вокруг — никого, только необъятный неведомый мир насколько хватал глаз.

Горы. Горы с пологими склонами, покрытыми темными лесами. Вдали голубые пятна, почти сливающиеся с небом. Похоже на озеро. Он сидел на склоне холма, поросшего травой. Лес черной стеной окружал его со всех сторон, куда ни повернись. Стояла абсолютная тишина. Белые пенные облака спешили по небу, а за ними из-за леса напозвала тяжелая серая туча: со-

Человека превратили в робота. В живой автомат с узкой программой: высадиться на чужей планете и колонизировать ее — кто бы или кто бы ни стояло на пути. Не исследовать, не познавать отправляется Грегусар Грегори к далекой звезде Сириус, а уничтожить, покорять, завоевывать. В его руках не умные приборы ученого, а смертоносное оружие солдата. В его душе воспитатели оставили ровно столько способности к познанию, чтобы он смог лишь оценить степень опасности в новой обстановке. Трагический, жалкий, бессмысленный конец — единственно возможная судьба такого „героя звездной экспансии“.

Заслуга Мишеля Демюта, французского писателя-фантаста, в том, что он без малейшей скидки, без какого-либо компромисса разоблачил образ звездного супермена, часто встречающийся в западной фантастике.

биралась гроза, чтобы утопить в дожде это чужое лето.

Лето. Он назвал это летом. Но у него не было никаких доказательств. Здесь все было непохоже на то, что он знал. Однако теплый ветер, колючие травинки, которые он гладил ладонями, небо и собирающаяся гроза — все это напоминало ему лето.

«Но я же далеко, — подумал он, — чертовски далеко!» Он откинулся назад и медленно выдохнул воздух сквозь сжатые зубы. Несколько секунд, чтобы собраться с силами и доползти до капсулы. Потом аптечка первой помощи позволит задуть боль. Второй укол — и он сможет идти, прыгать, двигаться дальше...

«Но где же другие? — мелькнуло у него в голове. — Что, если?...»

Сознание его на миг помутилось от ужаса и горя. Потом

он подумал: «Значит, так суждено!» Он приподнялся на локтях и вновь посмотрел на мягкие очертания гор. До Земли было много световых лет, а здесь вокруг него раскинулась чем-то знакомая и одновременно такая чужая планета. Обманчиво спокойная, но уже враждебная ему, этому непонятному существу, этому мыслящему животному, которое свалилось с неба, как предвестник грозы, наползающей на другую экологию, на другое лето.

«А что, если это зима? — сказал он сам себе. — Может, лето здесь стоит такая жарница, что леса горят, как солома, и остаются только километры почерневшей земли...» Он потрянул головой. Он еще не мог ничего сказать, не мог ничего решить. А вдруг эти деревья вовсе не деревья? Свет и тепло, струившиеся с неба, были чуть-чуть другими. И солнце, которое их испускало, называлось Сириусом.

— Черт побери! — сказал он вслух. — Сириус!

Но ему было трудно в это поверить. Он всегда считал, что планеты Сириуса были всего лишь шарами расплавленного металла, вращающимися в голубом тумане беззвучных повторяющихся взрывов Сириуса и его спутника. От жара этих чудовищ скалы-бродяги, должно быть, плавилась на расстоянии тысяч и тысяч километров...

Что-то заверещало в траве, и он закусил губу, вдруг испугавшись этой возможной угрозы, возникшей из полной тишины.

Верещание смолкло, и он услышал вокруг тысячи невнятных шумов. Шорохи, потрескивание, посвистывание, позвякивание... Этот мир кишел жизнью — насекомыми, грызунами, птицами, существами, которых он не мог опознать. Он был одинок.

Он пополз, отталкиваясь локтями и левой ногой. Боль вынудила его стиснуть зубы. Она разливалась от стопы к бедру, словно какая-то горячая, тошнотворно-тягучая жидкость.

Ему казалось, что его собственное дыхание, отражаясь от земли, обжигает ему лицо. Он поднял голову и увидел, что капсула рядом. Еще несколько сантиметров... Его пальцы царапнули землю, и он едва не взвыл, когда какое-то насекомое прыгнуло в его направлении. И только потом его окружил теплый, гладкий металл и сумрак капсулы.

Внутри пахло кожей, это был запах большого корабля. Слабость охватила его, и он закрыл глаза. Перед его мысленным взором крутились бесчисленные осколки зеркал, в которых беспрестанно возникало его собственное отражение.

— Я хочу пить, — сказал он самому себе. — Проклятая лихорадка...

Он опустил голову на металлический рундук, потом медленно вытянул правую руку. Движения были просты: их специально разработали для подобных ситуаций. Но сейчас он двигался, как муха на клею, с трудом преодолевая сантиметр за сантиметром... Наконец он услышал щелчок, металлическая крышка под его головой задрожала и медленно отодвинулась. Он открыл глаза, сделал последнее усилие и отыскал взглядом ампулу-шприц с тонизатором. Еще один жест. Он зажмурился и замер, чувствуя, как жидкость обжигает ему ладонь.

Он задышал глубже, ожидая возвращения сил. Он чувствовал тяжелую жару и приближение грозы, слышал непрерывный шорох насекомых. Шум чужого мира.

Переведя дух, он сел и облизал губы.

Когда он сделал себе укол антибиотика, движения его были уже более точными. Затем он проглотил крохотную таблетку от лихорадки и начал искать кран. В капсуле должно было быть десять литров воды. Если хорошо рассчитать порции, несколько дней можно не опасаться жажды.

Он нащупал кран и лег на живот, чтобы напиться. Для начала всего несколько глотков. Солнце уже нагрело воду, и она имела привкус металла.

Он выплюнул последний глоток в траву и сел. Вкус крови во рту усилился.

— Это пройдет, — пробормотал он. — Через несколько минут малыш Грегори будет в форме...

В лесу позади него раздался пронзительный крик, и он вздрогнул. Вдруг похолодев, он бросился к бортовому ящику и схватил светомет. Это был просто цилиндр из черного пластика со стеклянной рукояткой и кнопкой вместо спускового крючка. Но еще ни один солдат на Земле не держал в руках страшный карманный лазер. Он не помнил точных слов, которые произнес тот, кто вручал ему и остальным членам экспедиции это оружие, но тогда он был потрясен... Тот человек, кажется, говорил о Добре, о Зле и будущем человеческой расы...

Он повертел оружие в руках и положил рядом с собой на траву. Затем он вытащил набор средств первой помощи, три пакета с пищей и вынул из гнезда в передней части капсулы небольшой приемник-передатчик.

Он выждал еще мгновение. Туча вдруг затмила солнце, и концерт насекомых сразу стих.

«Вперед, — подумал он, — вперед, Грегуар Грегори! Надо отыскать остальных...»

Он медленно поднялся, перенес тяжесть тела на правую ногу и скривился от боли. Он заткнул светомет за пояс, сунул продукты в один карман, аптечку — в другой. Оставалась только рация — ее он взял в левую руку.

В последний раз он глянул на капсулу. Сейчас это был просто металлический саркофаг, пустой и бесполезный. Небольшой двигатель израсходовал, видимо, почти все горючее, но все же доставил его на планету живым и невредимым.

Он двинулся к вершине холма. Его правая рука лежала на рукоятке лазера, и он не отрывал глаз от темной стены чужого леса. Там могли скрываться все опасности нового мира.

II

На краю леса Грегори остановился. Правое бедро горело, ногу словно парализовало. Он положил рацию на траву, которая здесь, под деревьями, была выше, и присел в узкую полоску тени. Его взгляд не отрывался от зеленоватого сумрака, заполнившего просветы между гладкими коричневыми стволами громадных деревьев. Светлые облака затянули все небо, но их почти не было видно сквозь густой потолок темной листвы.

В лесу его могли подстергать бесчисленные опасности. «Но ничто, — подумал он, — не стоит перед светометом». Его рука машинально легла на холодную гладкую рукоятку. Он мог сжечь весь лес, чтобы устранить любую угрозу, скрытую в его сумраке.

Он покачал головой. Светомет не сможет защищать его долго, если он одинок в этом мире, на таком невообразимом расстоянии от Земли. Надо разыскать остальных. Его взгляд остановился на рации... Вызвать остальных!

Позывные были выгравированы на корпусе рации. Их было тридцать: они соответствовали двадцати девяти другим спасательным капсулам и главному кораблю «Ланжевен-II».

Корабль... Он вспомнил ужасающий взрыв, который, должно быть, потряс мир, пока он в добром здравии, хотя и без сознания, спускался в это чужое лето. Осколки корабля рассеялись, наверное, на километры. Если только корабль не затерялся в глубинах космоса или не растаял в языках пламени чужого солнца...

Его пальцы дрожали, когда он касался клавишей. Он набрал позывные первой капсулы, автомат послал номер его личного кода, соответствующий номеру его капсулы. Потом он перешел на морзянку. И стал ждать ответа, слушая шорохи леса и верещание насекомых, которые сначала смолкли, а теперь вновь начали свой концерт, словно он передал им какой-то тайный сигнал.

Он вызвал вторую капсулу, потом третью.

Первые капли дождя заставили его вздрогнуть; он растерянно глянул на светло-серое небо. Ветер посвежел, и вдруг над горами прокатился гром.

Он опустил капюшон комбинезона, закрыл рацию и поднялся. Через несколько секунд дождь превратился в ливень. Он вошел в лес и остановился, как только ветви деревьев укрыли его от струй. Из глубины леса шел пряноватый запах. Он заметил, что листья были на самом деле иголками, собранными в плотные зонтики. Они могли быть опасными... Все могло быть опасным, враждебным, вредным. Отныне он должен доверять лишь собственным знаниям и навыкам, полученным за время долгих до-стартовых тренировок.

Как и другие, он был приучен к смене условий. Осторожность и недоверчивость были привиты ему вместе с сопротивляемостью. Как и другие, он ничего не терял, покидая Землю, ибо его полностью переделали, превратили в инструмент для завоевания иного, неведомого мира, до которого ему предстояло лететь сквозь просторы космоса десять лет в глубочайшем сне во чреве корабля.

Он сжал зубы. В нем все еще жили неуверенность и страх перед полным одиночеством.

Три первые капсулы не ответили. Они разбились или исчезли вместе с кораблем.

Правда, они могли оказаться слишком далеко для его рации. Но это было маловероятно. Капсулы должны были покинуть корабль почти одновременно, хотя и не зависели друг от друга. А может, они не успели? В памяти не сохранилось ни одной подробности. Он ничего не мог вспомнить.

Дождь превратился в серый туман, в котором тонули лес, небо и светлая зелень холмов. Он тщательно осмотрел кору дерева. Она состояла из многочисленных красных и коричневых чешуек. Он осторожно коснулся ее — дерево как дерево. Он запрокинул голову и с подозрением посмотрел на черный навес ветвей. Одинокая дождевая капля разбилась о его щеку. Все казалось спокойным, привычным, почти земным.

«Если я здесь не один, — подумал он, — мы здесь поработаем на славу!»

Они добьются успеха, даже если корабль исчез со всем их грузом: машинами, инструментами, растениями и животными. Они приспособятся к местным условиям, будут бороться, создадут колонию. Позже, когда прилетят другие люди, они найдут здесь Новую Землю.

Слабая надежда затеплилась в его сердце. Если ему не удастся связаться с другими по радио, он отправится на их поиски, будет плыть по рекам, приручит животных для верховой езды. Он будет идти вперед, перевалит через высочайшие горы.

Всему этому его научили за долгие годы тренировок перед стартом. Он умел укрываться от холода, анализировать пищу, обнаруживать опасности новой среды. Все это отпечаталось в его мозгу, в подсознании, кончиках нервов.

В глубине леса послышалось ворчание. Грегори обернулся, сердце его забило. Это не был гром. Он насторожился и различил сквозь шум дождя глухой храп. Определить расстояние было трудно, но вряд ли это было далеко.

— У меня есть светомет, — сказал он себе, — есть рация и пища. И аптечка. Почему бы не пойти посмотреть?

На мгновение он подумал о капсуле. Она могла оказаться

полезным убежищем. К тому же ему еще пригодятся металл и детали двигателя. Но тут он вспомнил о маяке. Капсула послала сигнал на частоте, которую автоматически принимал его приемник. Он мог в любой момент запеленговать ее и вернуться. Он прислушался, но храп стих. Грегори углубился в лес.

Ковер из иголок потрескивал под его ногами. Высоко над ним по ветвям хлестал дождь. Иногда он чувствовал холодок упавшей капли. Подлесок был полон странными запахами. Он казался вымершим. Грегори подумал, что животные, наверное, убегают при его приближении. По крайней мере мелкие: грызуны и беззащитные птицы, напуганные чужаком, свалившимся с неба.

Но другие...

Едва он подумал о них, вновь послышался громкий храп. И теперь значительно ближе.

Грегори остановился, прислонился спиной к дереву. Боль вдруг вернулась в ногу. Он вытащил аптечку, прислушиваясь к пугающему храпу. Дрожащей рукой сделал первую инъекцию, потом проглотил две таблетки. Ему хотелось пить. Но вода осталась в капсуле.

Пищи ему хватит еще на некоторое время. Но если он захочет напиться, не боясь отравления, то рано или поздно ему придется вернуться к капсуле.

Оставался анализатор. Он вытащил его, раскрыл и некоторое время рассматривал. Потом снова спрятал. Анализ дождевой воды занял бы много времени. Это можно отложить... А теперь. Он едва не улыбнулся. Сильнейшее любопытство, смешанное со страхом, сжигало его.

Храпящее животное должно быть приличных размеров! Через несколько мгновений он его увидит. Он встретится с созданием иного мира!

Грегори сунул аптечку в карман, взял рацию в руку и двинулся дальше.

Рисунки Э. Штейнберга

Боль утихла, нога словно одеревенела, и он перестал о ней думать. Храп то становился тише, то вовсе замирал. Грегори не слышал треска ломающихся веток и подумал, что животное, пожалуй, находится на открытом месте. Когда он выбрался на вершину холма, шум стал громче. Наверное, под холмом была лужайка и на ней паслось несколько животных, храпевших порозному. Это было приемлемое объяснение.

Он взял оружие в правую руку и стал осторожно спускаться по склону. Дождь прекратился. Он уже не слышал шороха, хотя отдельные капли еще изредка падали на его лицо и руки. Вдруг пронзительное кудахтанье разорвало тишину. Рефлекс сработал безотказно: он обернулся мгновенно, держа палец на спуске лазера.

Грегори увидел черный птичий силуэт, который удалялся, лавируя между деревьями, и облегченно вздохнул. Не все здесь было таким уж опасным. Но ему еще долго придется смирять нервную дрожь при малейшем шуме.

Храп, как и в первый раз, превратился в рев, и Грегори усмехнулся. Теперь животное было уже рядом. Может быть, через несколько мгновений он увидит одно из тех чудищ, которых с удовольствием выдумывали биологи экспедиции. Что-то рычало в глубине леса за деревьями.

Солнечный луч просочился сквозь ветви в то самое мгновение, когда он заметил поляну. Он застыл и присел на корточки. Существо должно было находиться там. Оно смолкло, но тишина казалась еще более тяжелой. Он приложил ладонь к земле и ощутил ее дрожь. Существо продолжало двигаться. Сердце Грегори бешено заколотилось, он облизал губы и почувствовал вкус крови.

Секунды шли. Он подумал, что, может, лучше оставить рацию, чтобы забрать ее позднее. У него будут свободные руки, когда он встретится с этим нечто. Но это было рискованно. Если существо окажется не одиноким, он может в пылу схватки удалиться от рации.

— Нет, — сказал он себе, — надо вызывать остальных, а без рации мне не найти даже свою капсулу.

Сквозь деревья на краю поляны он видел небо. Тучи убежали, и солнце зажигало золотые искры в россыпи каплей, застрявших на иголках.

Почва была взрыта. Грегори видел два поваленных дерева. Их красные, застывшие, словно в конвульсиях, корни напоминали мертвых животных, вырванных из земли.

Напрягая слух, он пытался услышать храп или какой-либо другой шум, чтобы отыскать по нему чудовище. Но различал только

множество посторонних звуков: чириканье птиц, шорохи насекомых и далекое ворчание какого-то зверя.

Неведомый мир кишел жизнью, а он был так одинок в этом лесу, в этом чужом лете!

Согнувшись вдвое, Грегори подобрался к краю поляны и встал на колени за деревом. Теперь он видел множество поваленных, расщепленных стволов, глубокие раны коричневой земли. Неужели это режущее чудовище ополчилось на лес? Он его нигде не видел. Может быть, оно удалилось? Нет, земля продолжала дрожать.

Грегори выпрямился, вышел из тени и зажмурился ослепленный.

Вдруг раздалось громовое рычание, и краем глаза он увидел нечто несущееся прямо на него. Склон холма скрывал чудовище, но теперь оно двигалось к нему. За одно короткое мгновение он разглядел тяжелый пунцовый, сверкающий на солнце панцирь и две черные конечности, вырывающие куски земли. Скорость чудовища была ошеломляющей, и он едва успел нажать на спуск светомета.

Голубая беззвучная вспышка затмила сияние дня. Послышался вой, и в перегретом воздухе на миг повисла острая нота. Грегори опустил руку. Его сердце громко стучало, ноги вдруг сразу ослабели. Ему захотелось сесть, но он остался стоять. От чудовища ничего не осталось. Почва остекленела, и от черного фона отражалось солнце. Вновь опустилась тишина. Полная. Ни птиц, ни насекомых, ни режущих зверей.

«Никого! — подумал Грегори. — Одно движение — и не останется никого и ничего...»

Он осмотрелся по сторонам, опасаясь появления другого пунцового чудовища. Нет, светомет опустошил всю окрестность.

И он, стоя под жгучим солнцем, беззвучно, с горечью расхохотался. Новый мир познавал человека.

Грегори присел на один из поваленных стволов, потом, увидев зеркала воды, поднялся и взял анализатор. «Чудовище чудовищем, — сказал он себе, — но мне надо напиться».

Он проделал заученные жесты, стараясь унять дрожь рук.

Существовало немало сложных ядов, и их присутствие в воде было бы опасным. Однако на экране появился результат: «ВОДА ПИТЬЕВАЯ», и Грегори стал пить, черная полными горстями. Он наслаждался свежестью воды, от которой ломило зубы и исчезал противный вкус крови.

Когда Грегори выпрямился, он почувствовал себя в десять раз сильнее.

IV

День угасал. Грегори оставался на краю поляны, пока солнце не ушло с очистившегося от туч неба. Тогда он включил рацию и начал вызывать другие спасательные капсулы — до двадцатой. Никто не ответил. Оставалось еще девять капсул, но он не осмелился их вызвать, страшась полного молчания. Грегори закрыл рацию и постарался слотнуть горечь, опять появившуюся во рту. Он выпил несколько глотков воды. Ему казалось, что сердце его сжалось в холодный комок. Он ощущал одновременно печаль и ярость. Ярость против этого мира, куда его доставила

капсула, против неудавшейся экспедиции, против исчезнувшего корабля... Он надеялся приспособиться без машин и инструментов. Но теперь он знал, что день за днем, по мере истощения энергии светомета, он будет превращаться в животное. Он будет думать только о воде, пище, бегстве — спасении от смерти.

«Это не то, что нам говорили...» Грегори почувствовал головную боль и стиснул зубы. Он был разбит, истерзан... Нога превратилась в деревяшку. «Я не могу оставаться здесь, — подумал он. — Надо встретиться с другими... Мне никогда не говорили, что может случиться именно такое, что может быть полное одиночество...»

Он окинул взглядом опустевшую поляну. Стволы деревьев напоминали скелет гигантского животного, и на секунду это показалось ему явью.

Солнце село за черные вершины деревьев. С криками пролетела стая. Грегори подумал было использовать светомет на минимальной мощности, чтобы на лету поджарить несколько птиц. Но потом обошелся одной питательной таблеткой. Он глотнул воды из ручейка, нашел, что она отдает землей, и громко выругался.

Инъекции и таблетки как будто умерили боль в ноге. Но раной следовало заняться всерьез. Он вынул аптечку первой помощи и начал тщательно чистить рану. Она оказалась не такой уж глубокой, и он наложил довольно хорошую повязку.

Появля свежестью, отогнавшей ужасы и отчаяние знойного дня. Вскоре в этом мире наступит ночь, и Грегори решил выбраться из леса, чтобы не бодрствовать до утра с оружием в руках.

Он встал, пересек поляну, попытался сориентироваться. Но лес окружал его со всех сторон. Он вернулся в подлесок и двинулся по склону, поросшему травой.

Тьма между деревьями густела, но Грегори уже не вздрагивал от каждого крика невидимых животных и шороха крыльев среди ветвей. Ему не хотелось ни есть, ни пить, боль почти совсем утихла, и он подумал, что силы его скоро восстановятся. Он победил пунцовую громадину, которая напала на него. Осталось только... Грегори крепче сжал ручку рации. Может быть, другие все-таки когда-нибудь ответят?.. Что, если их растерзанные тела лежат в обломках корабля? Он мог утонуть в каком-нибудь океане этого мира и стать тенью среди других зеленых теней, гигантской рыбой со вспоротым брюхом. А мог напороться на острые вершины горы...

Грегори остановился, внезапно оказавшись на открытом месте.

Деревья расступились, и перед ним была узкая полоса, которая рассекала лес. Он понял, что это своего рода тропа. Дорога, по которой ходили неизвестные животные... Лишь бы не пунцовые чудовища...

Он ступил на тропу. По утопанной земле Грегори пошел быстрее. Небо темнело, по нему пробегали странные фиолетовые и красные блики. В лесу трещали бесчисленные насекомые. Наступили сумерки чужого дня в миллионах километров от людей.

После поворота тропа стала шире, и он вдруг услышал зна-

комый храп. «Значит, верно, — подумал он. — Пунцовые чудовища проложили эту лесную тропу. И она, наверное, ведет к их логову... Если я до них доберусь, — подумал он, — будет хорошее побойще!»

Пока к нему приближалось одно из чудовищ.

Грегори отодвинулся в тень и спрятался за деревом. Отсюда он видел часть странной тропы и мог одним выстрелом из светомета поджарить целое стадо пунцовых.

Храп прекратился на несколько секунд, потом стал громче. И чудовище появилось. Его внешность обескуражила Грегори. Это не был пунцовый зверь, подобный тому, которого он уничтожил. Незнакомец был крупнее. Чуть пониже, но гораздо массивнее. В лесной полутьме он выглядел черной движущейся массой, его невообразимые глаза, казалось, отражали блеск исчезнувшего солнца. На голове чудовища виднелось что-то вроде хобота, и в то мгновение, когда Грегори поднял лазер, из хобота вырвались грохочущие звуки. Животное, видимо наделенное каким-то особым чувством, заметило его. Что выражал его рев? Ужас или гнев? Он не стал терять время на решение этого вопроса и нажал на спуск. Высокие деревья обратились в гигантские голубые колонны. Взрыв прогремел, и тьма вернулась. Над тропой поплыл острый запах.

Грегори выпрямился, засовывая оружие за пояс. Теперь дорога чудовищ блестела в том месте, где светомет расплавил и почву и уродливую воющую громадину.

— Черт побери! — сказал он почти весело. — Из-за них мне и поест некогда!

И продолжил путь по тропе. Он не знал, куда выйдет: на открытую местность или к логову чудовищ. И то и другое было одинаково возможным. Если он выберется из леса, он постарается вырыть себе убежище и разжечь огонь. Если же ему придется бороться с чудовищами...

— Завтра, — сказал он вслух, — надо будет поохотиться.

А про себя добавил: «И вызвать других... пока работает рация...»

Он вновь подумал о чудовищах. Их логово, если он найдет его, будет нетрудно уничтожить. Но долго так продолжаться не может. Как он убедился, ему угрожали не только пунцовые чудовища. Очевидно, он встретит еще множество других ревуших и храпящих враждебных созданий.

Медленно опускалась ночь. Появились звезды, и Грегори, охваченный волнением, остановился. Он видел белые, красные, желтые солнца. Одно из них было его родиной. Корабль пересек всю эту бездну за несколько лет и навсегда канул в мир, который могли бы населить люди... Он потрянул головой. Это было абсурдом, совершеннейшим абсурдом.

Путешествие было долгим, таким долгим... Он хотел припомнить хоть что-нибудь, но голова казалась пустой. Ничего удивительного — после фантастического мимолетного сна в звездолете... На Земле им объясняли. По крайней мере он в этом был уверен... Но самой Земли он уже не помнил. Мысленно он вертел это слово и так и эдак, пока не заболела голова.

О Земле не стоило и вспоминать. Надо было думать лишь о том, как ему выжить.

— Даже в одиночку! — сказал он. — Даже одному!

Грегори остановился, увидев перед собой неподвижный силуэт. На повороте тропы, как часовой, высился черный монолит. Грегори отступил на несколько шагов и стал его рассматривать. Монолит слабо поблескивал в звездном свете. Он прислушался и различил негромкое гудение. Что это, животное или машина? Кровь быстрее заструилась по жилам. Вторая гипотеза была слишком невероятной! Специалисты не думали всерьез о подобной возможности. И тем не менее...

«Но кто? — подумал он. — Кто создал это? Чудовище с хоботом?» Правда, ничто не подтверждало, что дорогу ему загроживает машина. Чужая жизнь могла принять любое обличье. Светомет был уже у него в руке, и он спрашивал себя: «Что делать? Атаковать первым?» Он закусил губу. В любом случае он не мог пройти мимо этого, будь то животное или машина. Но зачем стрелять, пока ему ничто не угрожает? А что, если это создание окажется его союзником в чужом мире? Заранее не угадаешь. Но когда-нибудь человеку понадобится помощь неземлян. Ему было трудно соображать. Кровотечение ослабило его, и ему вдруг мучительно захотелось спать.

— А я ничего не знаю, — сказал он себе. — Может быть, эта машина, это животное уже напало на меня каким-нибудь неведомым способом. Может быть, сонливость, которую я чувствую... — Он вздрогнул. Что-то происходило. У основания монолита шевелилось что-то черное. Он крепче сжал оружие. Его зубы были стиснуты, он дышал прерывисто, борясь с непреодолимым желанием завывать от ужаса.

Внезапно ослепленный, он закрыл руками глаза и инстинктивно бросился на землю. Он скорчился, потом приподнялся на локтях. Перед тем как выстрелить, он увидел слепящий глаз, горевший сбоку от монолита и искавший его. Ему показалось, что он услышал рев. Затем остались только облако голубого огня, бесшумный взрыв, опаливший ему легкие. Он покачнулся и покатился по земле, а с неба с треском и свистом обрушились на него языки пламени. Они хлестнули его по груди, плечам, и он потерял сознание.

V

Грегори лежал на койке на борту корабля. Он видел над собой громадные балки из голубоватой стали, устремленные ко второму отсеку, забитому аппаратурой. В прямоугольных иллюминаторах изредка появлялось пламя двигателей. Вдруг со всех сторон задребезжали звонки тревоги. Он вскочил с койки, побежал. И вспомнил детство. Однажды, испугавшись огней алтаря и золотисто-медных отсветов во мраке, он убежал из собора, куда его привела мать. Балки корабля напоминали своды охваченного пламенем собора... Он бежал по центральному коридору...

Он открыл глаза, и видение растаяло. Звонки превратились в пронзительный стрекот насекомого. Над лесом на звездном фоне он увидел золотую луну. Грегори шевельнулся, и в правой руке вспыхнуло пламя боли. Он застонал. С трудом приподнялся на левом локте. В воздухе пахло паленым; его едва не вырвало. Боль вернулась и в бедро.

Он ощупал землю вокруг. Светомета рядом не было. На мгновение ледяной страх заставил его забыть о боли. Затем он заметил оружие, слабо поблескивавшее в свете луны, по ту сторону тропы.

Поднимаясь, он еле сдержал крик. Правая рука болталась, как сломанная ветвь, в которой тлел огонь.

«Днем бы, — подумал он, — я осмотрел рану». Он сжал губы и покачулся. Несколько шагов до светомета показались ему вечностью. Голова горела, и ему невероятно хотелось пить.

Он опять повесил оружие на пояс.

— Я не подохну здесь, — громко проговорил он. — Черт возьми, не подохну!

Он допустил ошибку.

Создание на повороте тропы оказалось машиной. Машиной невероятной мощности, набитой энергией. Взрыв мог убить его, сжечь, рассеять огненными каплями.

Но там было и животное или, скорее, существо. А может быть, несколько существ? Они подстерегали его в ночи. Они знали, что он придет. И наверное, они были создателями машины. В таком случае у них должны быть и другие, более эффективные средства. Борьбаться с ними в одиночку нечего и думать. Рано или поздно он проиграет.

Грегори приблизился и осмотрел то, что осталось от машины: кучу раскаленных, еще розовых обломков. Стоял отвратительный запах. Он определил несколько оплавленных металлических деталей. Светомет все стер, все уничтожил. Существа и технику. Но сражаться с цивилизацией ему все равно не под силу.

Он спросил себя, стоит ли продолжать путь по тропе. Это становилось опасным. «Кем бы они ни были, — подумал Грегори, — эти существа вернуться».

Он содрогнулся и со страхом подумал, что сознание могло и не вернуться к нему до их прихода. Он представил себе одну из громадин, протягивающую к нему свой хобот.

Дальше, где-нибудь в горах, наверное, расположена метрополия, населенная тысячами этих чужаков.

Если он не хочет попасть прямо в волчье логово, надо было покинуть тропу. Волчье... Секунду он искал в помраченной памяти образ животного, носившего это имя. Но его там не было. И голову и грудь жгло пламя лихорадки, и каждый глоток ночного воздуха опалял его легкие.

Он углубился в лес, во тьму, полную стрекота насекомых, страхась звука собственных шагов и треска ломающихся ветвей.

«Боже, как хочется спать, — думал он. — С каким бы удовольствием я поспал...»

Ноги несли его сами собой. На мгновение ему показалось, что между деревьями пляшет рой огоньков. Потом все опять утонуло во мраке.

Он остановился, прислонился к дереву, и тут его вырвало. Он весь дрожал от холода. Трясущейся рукой провел он по липкому лбу, потом снова двинулся вперед и через несколько метров почувствовал, как невидимые кусты хлещут его по ногам. Их листья шуршали под рукой, а шипы цеплялись за комбинезон. Он дернулся, пытаясь освободить правую ногу, и застонал,

когда боль стрельнула в бедро. Неожиданно кустарник уступил, и Грегори, не рассчитав усилия, упал. Он скатился в ложбинку, полную влажных листьев и мягкой земли.

Наполовину зарывшись в листву, он лег на спину, лицом к своду леса и словно провалился в сон.

Ему снилось что-то пылающее, страшное. С серого тяжелого неба рушились плавающие балки, и он, задышав, убежал. Вначале он был на громадном корабле, потом на белой, залитой солнцем равнине. Должно быть, это было на берегу моря, ибо он слышал рокот волн и ощущал на губах вкус соли. Он лизнул свою руку и вспомнил детство. Он продолжал бежать, но теперь он бежал обнаженный по белому пляжу. Морские птицы с черными клювами летели слева от него, словно сопровождая. В ушах неумолчно грохотало море, а во рту был все тот же вкус соли.

Он проснулся, чувствуя, что задышавается.

Соль во рту оказалась его собственной кровью, смешанной с землей. Он выплюнул ее.

Рев над ним не был ревом моря. В серой туманной полумгле утра где-то над деревьями жужжала и редела невдомая громадина. Он едва успел заметить быструю тень. Яростный ветер обрушился на ветви. Потом рев удалился и стих.

«Ужас, — подумал он. — Бредовый сон...» Теперь за ним охотилась чудовищная птица... Он встал на колени. Птица?.. А может быть, летательный аппарат?

Правая часть его тела была как бревно, недвижимое и холодное. Он пощупал грудь. К ней прилипли земля и остатки листьев. Наверное, ночью опять шел дождь. Он огляделся. Деревья неясными серыми и рыжими силуэтами выплывали из тумана, который еще окутывал подлесок. Небо, однако, светлело быстро. Угрожающее жужжание стихло, но Грегори услышал вдали странный крик, нечто вроде призыва дикого животного. И другой, в противоположной стороне.

«Боже правый!..» Он обхватил голову руками. Лоб его болел и на ощупь казался ледяным. «Я совсем один!» Он вспомнил о радио и тут же вскочил на ноги. Все тело его напряглось. Ему показалось, что сердце останавливается.

— Спокойно, — произнес он. — Прежде всего аптечка... сменить повязку... осмотреть руку.

Он торопливо обыскал карманы. Открыв аптечку, он увидел, что все было в целости.

Он сменил повязку на ноге. Одна инъекция, одна таблетка. Он глянул на руку и скривился. То, что он увидел, больше напоминало обгоревшую кору, а не человеческую кожу. Но рука все же двигалась. Он прислонился к дереву и расчетливо проделал все необходимое. Очистил рану. Присыпал антибиотиком. Снова ввел успокаивающее.

Грегори спрятал аптечку, проглотил питательную таблетку, убедился, что светомет висит на поясе. И снова двинулся в путь. Он должен был разыскать рацию, вернуться на тропу, невзирая на опасность.

«Девять капсул, — думал он, рассеянно глядя на свои сапоги, загребавшие листья и землю. — Остается девять капсул... Надо их вызвать. И еще корабль... Может быть, он ответит...»

Ему пришла в голову мысль, которая на несколько секунд возродила надежду. Могло статься, что корабль покинула только его капсула. Тогда только он, Грегуар Грегори, оказался потерянным в этом чужом лесу, а экспедиция уже основывала колонию...

Но до сих пор ни одна из капсул не ответила. Ни одна из первых двадцати. Даже если они остались в своих стальных колыбелях на борту корабля, они должны были ответить. И сигнал маяка его капсулы был бы уже засечен.

Он двигался вперед лишь благодаря левой ноге: правая тащи́лась за ней, инертная и холодная. Правда, он уже не чувствовал жара лихорадки.

Розовый свет зари просочился в лес. Грегори увидел перед собой крохотное черное животное. Потом с ветки сорвалась птица. Жизнь в лесу просыпалась. Он больше никого не страшил.

«Да, теперь им нечего бояться, — с горечью подумал Грегори. — Теперь дичью стал я...»

Вдруг он едва не вскрикнул от радости, увидев между деревьями тропу. И почти тут же раздался рев приближающегося чудовища.

VI

Грегори не стал рисковать. Он поднял светомет и выстрелил, как только уродливая громада выскочила из-за поворота. В голубой вспышке высвобожденной энергии он увидел второе чудовище, которое остановилось позади первого и попыталось отступить. Он уничтожил и его, переведя ствол лазера всего на несколько миллиметров,

И тут же, не теряя ни секунды, двинулся по тропе, оставив позади себя два черных дымящихся пятна.

Чужое утро разбудило птиц, и они появились над острыми вершинами деревьев. Грегори осторожно шел по краю тропы. Его правая рука сжимала рукоятку лазера.

Рев... Он бросился в лес.

Фантастическая птица пронеслась над тропой. На мгновение ему показалось, что она улетает. Но она вернулась, чиркнула по вершинам деревьев, и когда все вдруг стихло, Грегори понял, что птица села.

«Нужно узнать, что это такое», — подумал он.

Светомет уничтожит врага, будь то птица или машина.

Тропа начала поворачивать, и он узнал знакомое место. Чуть дальше виднелись черные остатки машины.

Рация... Он приступил к поискам, пригнувшись к земле, шаря в траве под деревьями.

Но рация исчезла.

Он стоял посреди тропы, и ему хотелось выть от ярости и одиночества. Занималась заря, небо розовело и голубело. Вскоре наступит чужое легнее утро, потом пылающий день. А он останется непоправимо одиноким в этом чужом мире, населенном чудовищами.

Он двинулся дальше, уже ни о чем не думая. Взошло солнце, и на деревья легли золотистые пятна. Тучи серых насекомых вырвались из светлых кустарников с дикими ягодами. Грегори

ри уже не соображал, куда он идет. Мысли путались, обрывались, голова болела. Иногда в его воображении возникали города-спруты, гудящие от избытка энергии, — столицы этой планеты. Деревья обращались в колонны, а тропа становилась дорогой циклопов.

«Земля никогда не узнает, — думал он. — Земля...» Она была только словом. Он закрыл глаза и сжал виски руками, чтобы вернуть образ Земли. Но только пустота и страх кружились в голове леденящим хороводом.

Тропа вновь повернула, деревья раздвинулись, и перед ним открылся обширный вид. Зеленые и черные горы, светлые, залитые солнцем долины, бледные пятна далеких озер... И еще что-то, чего он не мог определить. Какие-то правильные странные формы.

Где-то послышалось гудение, потом рев в противоположной стороне. Грегори вспомнил о гигантской птице, опустившейся рядом с тропой.

Птица... Машина...

«Что ты тут делаешь?» — спросил он себя. Неожиданно Грегори почувствовал опасность. Он хотел уйти с тропы, скрыться в лесу под темным и мягким сводом больших деревьев.

И тут он увидел девушку.

Она была человеком, это было несомненно. Ее длинные темные волосы буйными прядями струились по плечам. На ней были брюки и маленькие черные сапожки. Большие глаза удивленно разглядывали его.

— Великий боже! — произнес он. Ему хотелось плакать. — Хоть кто-то спасся.. — Он приблизился к ней. — Где ваша капсула? Вам известно, что стало с кораблем?

Она отступила, отрицательно покачивая головой. Рев, который Грегори услышал за несколько секунд до этого, начал приближаться. Он протянул девушке руку.

— Чудовища! — торопливо сказал он. — Они ищут меня... Вы их еще не встречали? Идемте. И скорей! Надо бежать...

Она открыла рот, снова покачала головой. Он схватил ее за руку, но она вырвалась быстрым движением.

— Господи, да идите же! — крикнул он. — Вон они!

Она побежала по тропе, и он бросился за ней. Чудовище с хоботом выросло на повороте. Девушка споткнулась, упала. Чудовище в нерешительности остановилось. Грегори взвыл и поднял светомет. Он боялся ранить девушку и опоздал на долю секунды.

Чудовище сделало что-то непонятное, и жгучее пламя пронзило ему грудь.

Но он не упал. Он бросился назад к краю тропы. Пламя пожирало его изнутри. Позади снова взвыло чудовище. Казалось, что кричало несколько голосов.

Грегори хотел спрятаться под деревья. Он сделал прыжок. Ему казалось, что он плывет по воздуху и никак не может упасть. Серая липкая пустога окружала его, а деревья удалялись с ужасающей быстротой. Пальцы его вцепились в землю. За секунду до того, как провалиться в небытие, он открыл глаза и увидел у самого своего лица белый камень.

На камне чернели слова, и за мгновение до того, как его голова упала на траву, приближение смерти открыло ему истину. Надпись гласила:

«ДЕПАРТАМЕНТ НЬЕВР. СЕН-СОЖ — 8 км.»

VII

Лейтенант, два солдата и девушка склонились над ним. Он лежал на животе. Одна рука была прижата к груди, а вторая тянулась к дорожному указателю. Его комбинезон был заляпан грязью, в волосах застряли сосновые иглы.

Лейтенант осторожно перевернул его, приложил ухо к груди. Выпрямившись, он покачал головой.

Вдали на проселочной дороге показались люди с вертолета.

— Его звали Грегуар Грегори, — сказал лейтенант. Он взглянул на обоих солдат и бледную онемевшую девушку. — «Ланжевен-II» разбился вчера на юге Сахары тут же после старта. Никто не подозревал, что хоть один спасся. А потом случайно засекали сигнал маяка его спасательной капсулы. Ее нашел один крестьянин.

— Это был мой отец, — пробормотала девушка.

— Катастрофа и шок свели его с ума, — продолжал лейтенант; чувствовалось, что он говорит больше для себя, чем для

солдат и девушки. Люди с вертолета были уже в нескольких метрах. Впереди, пыхтя, как морж, семенил толстый капитан.

— Бедняга, он покинул корабль за несколько секунд до катастрофы. Везение, если хотите... — Лейтенант покачал головой. — Он решил, что опустился на одной из планет Сириуса, это несомненно. Вначале он поджарил на лужайке трактор с водителем. Потом вчера вечером — «джип» с четырьмя людьми. Они поставили на машины громкоговорители, но он ничего не понял...

— А трансформатор? — вставил один из солдат. — Всю округу лишил тока. А рядом был еще «джип» с прожектором.

— Еще два человека, — сказал лейтенант. — Трансформатор взорвался... Правда, его, — он указал рукой на Грегори, — чуть не убило кабелями. Это спасло бы людей с последних двух «джипов». Ну и мясорубка!.. — Он поднял голову и неуверенно глянул на девушку. — Да, мясорубка. Район перекрыли слишком поздно... Рехнувшийся бедняга с лазером в руках на свободе... Четырнадцать смертей... — Слова тяжело падали с его губ.

Люди с вертолета остановились позади них. Толстый капитан наклонился.

— Вы с ним разделались? — сказал он.

Лейтенант резко выпрямился. И обернулся к капитану, испытывая жгучее желание вlepить ему пощечину.

— Да, — просто сказал он. — Он сошел с ума.

— Знаю, знаю, — обронил капитан, осматривая тело. — Тренировки космонавтов чрезвычайно тяжелы, и, как это ни парадоксально, достаточно одного несчастного случая, какой-нибудь встряски, чтобы слабые...

Лейтенант направился к «джипу», чтобы больше ничего не слышать. Солнце уже накалило дорогу. Он спрашивал себя, каким видел этот летний мир Грегори. Один из солдат позади него пробормотал:

— Что ни говори, все-таки Сириус...

**Перевел с французского
А. ГРИГОРЬЕВ**

